

Кузьмина С. Е., Солоницына Е. С.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА ПРЕДИКАТНО-АРГУМЕНТНОГО АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/32.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 76-78. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ставлен системой простых речевых жанров. Вторая ступень классификации деловой корреспонденции базируется на таком признаке как самоназвание, что позволяет наиболее четко представить интенциональную природу каждого простого речевого жанра.

Список использованной литературы

1. Качалкин А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. - М.: МГУ, 1988. - Ч. 2. Филологический метод анализа документов. - 119 с.
2. Наер Н. М. Стилистика немецкого языка: Учеб. пособие. - М.: Высшая школа, 2006. - С. 28-29.
3. Рахманин Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. - М.: Высш. школа, 1988. - 3-е изд., испр. - 239 с.
4. Чигридова Н. Ю. Классификация текстов деловой корреспонденции (на материале немецкой коммерческой корреспонденции) // Научно-методическая конференция Института управления, бизнеса и права: Докл. на науч. конф. - Ростов н/Д: Изд-во ИУБиП, 1997. - С. 101-111.
5. Чигридова Н. Ю. Речевое поведение и коммуникативные роли авторов деловых писем // Межвуз. сб. науч. тр. «Личность, речь и юридическая практика». - Ростов-на-Дону: ДЮИ, 1999. - С. 77-82.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА ПРЕДИКАТНО-АРГУМЕНТНОГО АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Кузьмина С. Е., Солоницына Е. С.

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

Рассмотрение вопросов интерпретации высказывания, выявления его объективного содержания - всегда актуальная задача для лингвистов и специалистов в смежных областях, в частности в области лингвокриминалистики. Известно, что правильность толкования высказывания в юридическом дискурсе имеет большое значение, поскольку при решении тех или иных задач юридического характера недопустимы неточности, ошибки в понимании, так как они могут иметь весьма негативные последствия. Важно не допускать проникновения в тексты, используемые в правовой сфере, двусмысленных предложений, способных получить различные семантические интерпретации. Кроме того, представляется, что эксперт-лингвокриминалист должен уметь и четко объяснить содержание высказывания или обосновать возможность его различных интерпретаций, используя для этого данные и терминологический аппарат различных отраслей лингвистики, в том числе синтаксической семантики.

В настоящей статье описываются возможности применения к толкованию содержания высказываний юридического дискурса метода предикатно-аргументного анализа.

Выбор метода не случаен: с одной стороны он определен неослабевающим вниманием со стороны как отечественных, так и зарубежных лингвистов к проблеме семантической структуры предложения, ролевой характеристики актантов, типологии предикатов, а с другой - тем фактом, что использование данного метода предполагает анализ моделируемой предложением ситуации. Выявление же особенностей ситуации в сущности есть выявление особенностей денотативного компонента семантики предложения - его собственно-информативного содержания.

Метод предикатно-аргументного анализа используется в рамках логического направления в лингвистической семантике. Согласно этому направлению основное содержание предложения составляет пропозиция, отражающая ситуацию действительности и имеющая предикатно-аргументную структуру [Арутюнова 1976; Богданов 1977; Степанов 1981; Сузов 1973б; Чейф 1975; Fillmore 1968 и др.]. Аргументы соотносятся с предметами и ситуациями, участвующими в описываемой предложением экстралингвистической ситуации, и выполняют семантические функции, которые соответствуют ролям партиципантов ситуации. Предикат отображает свойства участников ситуации и отношения между ними. В математической логике пропозиция отражается формулой $P(X, Y, Z, \dots)$, где P - предикат, а X, Y - аргументы данного предиката.

В соответствии с описанным пониманием семантики предложения, для интерпретации его содержания исследуется предикатно-аргументная структура пропозиции, разрабатываются классификации предикатов и семантических функций аргументов. В лингвистике известны разнообразные типологии аргументов и предикатов, отличающиеся по степени подробности, используемой терминологии и классификационным критериям. Наибольшее распространение получили классификации предикатов и аргументов, основывающиеся на признаках внеязыковых ситуаций и признаках отображаемых аргументами предметов.

Наиболее известные классификации предикатов строятся на таких признаках, как «постоянность / временность связи признака с предметом», «статичность / динамичность», «длительность / мгновенность», «предельность / неопредельность», «контролируемость/неконтролируемость ситуации некоторым субъектом» и т.п. Эти признаки отражают разные характеристики реальных ситуаций - отнесенность ситуации к категории времени, особенности участников ситуации, способы ее протекания. На основании подобных признаков традиционно выделяются предикаты качества, состояния и процесса, а среди последних - действия, события, процессы в узком смысле, деятельности.

При выделении семантических функций аргументов обычно принимаются во внимание признаки отображаемых ими предметов, или партиципантов ситуации. Так, можно исходить из того факта, что одни пред-

меты и ситуации участвуют в том или ином событии, а другие указывают на местоположение данных участников (признак «участник/ориентир»). Участники ситуации могут быть разделены на предметы и явления, или предметы в узком смысле слова и ситуации (признак «предмет/ситуация»). Предметы в свою очередь могут различаться по целому ряду признаков. Одни из них являются производителями действия, а другие нет («производитель/непроизводитель действия»). Те предметы, которые производят действие, в свою очередь, могут являться самостоятельными производителями действия или только «помогающими» выполнению действия («самостоятельность/несамостоятельность») и т.д., деление может быть продолжено. На основании ряда признаков выделяются такие типы аргументов, как агентив, отображающий предмет, самостоятельно производящий действие, каузатив, отображающий ситуацию-причину другой ситуации, инструментив, отображающий несамостоятельного производителя действия, или инструмент действия, локатив, отображающий пространственный ориентир для партиципантов ситуации и т.п.

Применение метода предикатно-аргументного анализа к рассмотрению высказываний юридического дискурса позволяет сделать ряд наблюдений.

Семантическая интерпретация многих высказываний не представляет сложностей для эксперта: актанты высказывания однозначно определяются как выражающие агентив, каузатив, элементив и т.п., предикаты с легкостью идентифицируются как действия, состояния, события и т.п., и высказывание в целом получает однозначную интерпретацию, которую эксперт может представить с помощью специальных терминов и символической записи (например: $P_{Action}(X_{Ag}, Y_{Pat.})$ и т.п., где нижние индексы обозначают семантические типы аргументов и предикатов). Такое положение дел естественно: однозначность, «прозрачность» высказываний - одно из требований, предъявляемых к юридическому дискурсу.

Высказывания, в которых отдельные актанты выражают определенные типы и подтипы аргументов, являются характерной принадлежностью текстов юридического дискурса. Например, высказывания с актантом-подлежащим, который выражает локатив, соотносящийся с предметом-местоположением другого предмета, типичны для протоколов осмотра места происшествия: *The box holds a pound of candy; The jug contains a clear liquid* и т.п.

В ряде случаев имеет место контекстуальная контаминация смыслов высказываний. Одно и то же высказывание может иметь разные толкования: актанты могут одновременно выражать разные типы аргументов, предикат получать двойственную характеристику. Так, например, актант в позиции подлежащего может одновременно выражать агентив и каузатив (в том числе стимулатив), собственно агентив и инициатив, собственно агентив, инициатив и каузатив (в том числе стимулатив) и т.д. Даже самый простой пример наподобие *He killed the girl* (дословно: «он убил девочку») может приобретать как минимум несколько толкований:

1) «Он намеренно убил девочку». В этом случае подлежащее выражает агентив, дополнение - пациентив, а предикат моделирует ситуацию действия - ситуацию, в которой некоторое лицо совершает намеренное физическое действие по уничтожению другого лица. Интересно, что с юридической точки зрения мы бы соотнесли подобную ситуацию с конкретным типом преступления - намеренным убийством. И именно как сообщение о намеренном убийстве это предложение было бы интерпретировано в соответствующем контексте в юридическом дискурсе. Семантика высказывания соответствует формуле $P_{Action}(X_{Ag(Phys.)}, Y_{Pat.})$.

2) «Он инициировал убийство девочки». В этом случае актант-подлежащее характеризуется как инициатив, отображающий не непосредственного производителя действия, а его инициатора (Ср.: *The following June he was executed in Red Square. The tsar's killed Arina's father - the children now cried with glee (Rutherford)*). Семантика высказывания отражается формулой $P_{Action}(X_{Init.}, Y_{Pat.})$. Важно установить, какое именно содержание было вложено в высказывание его автором, ведь исполнение действия и его инициирование - с юридической точки зрения, безусловно, разные вещи.

3) «Он случайно убил девочку». В семантическую структуру такого высказывания входят каузатив, пациентив и предикат события - в высказывании сообщается о ситуации, вызванной какой-либо другой ситуацией (он сбил девочку машиной, и она умерла) Подлежащее обозначает не активного производителя действия, моделируемого предикатом *kill*, а производителя другого действия. Некто вел машину и не заметил девочку на дороге, вследствие чего произошло столкновение. Эта ситуация стала причиной смерти девочки. За актантом в позиции подлежащего в данном случае скрывается целая ситуация; высказывание соответствует формуле ($P_{Event}(X_{Caus.}, Y_{Pat.})$). Интересно, что и с юридической точки зрения описанная ситуация была бы истолкована иначе, нежели ситуации, рассмотренные выше, - например, как убийство по неосторожности. Рассмотрение контекста, дополнительных пояснений говорящего (пишущего) позволяет выявить в предложении наличие ситуации-причины (но не активного производителя действия), как, например, в следующем предложении, приведенном в контексте: *He took care of her and he killed her. My father wanted her out of the way. So he pushed her. She hit her head on a table. She'd had a cerebral hemorrhage (Rice)*.

4) «Он поразил девочку, вел себя так, что она пришла в изумление». Высказывание может получать метафоричное осмысление при употреблении предиката в переносном значении. Актантом-подлежащим выражается стимулатив - аргумент, соотносящийся с ситуацией причиной эмоционального состояния лица, а дополнением - экспериенсив, отражающий лицо-носителя эмоционального состояния. Семантика высказывания символически обозначается формулой $P_{Event}(X_{Stimul.}, Y_{Exp.})$.

Для адекватного толкования высказывания в рассмотренных случаях необходим анализ признаков ситуации и ее партиципантов, извлекаемых из контекста; при невозможности однозначной семантико-

функциональной интерпретации предиката и аргументов и единственного толкования всего высказывания необходимо представить все возможные толкования данного высказывания.

Метод предикатно-аргументного анализа позволяет выявить объективное содержание высказывания, представить его в виде определенного набора терминов и символической записи, а также дать лингвистическое обоснование возможности неоднозначного понимания высказывания, систематизировать его потенциальные интерпретации, и таким образом дать в руки эксперту-лингвокриминалисту один из возможных инструментов толкования высказывания.

Список использованной литературы

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. - М., 1976.
2. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. - Л., 1977.
3. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика. - М., 1981.
4. Сусов И. П. Семантическая структура предложения (на материале простого предложения в современном немецком языке). - Тула: Тульский гос. пед. ин-т, 1973.
5. Чейф У. Значение и структура языка. - М., 1975.
6. Fillmore Ch. The Case for Case // Universals in Linguistic Theory / Ed. by E. Bach and R. Tarms. - N.Y.-London-Toronto, 1968. - Pp. 1-88.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТРУКТУРЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МИРОЗДАНИЙ И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ
ВОПЛОЩЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ К. БАЛЬМОНТА И В. БРЮСОВА

Кулешова И. Г.

ГОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет»

Характерной чертой творческого начала в искусстве является воплощение поэтом своего «Я» и своей системы мироздания во всех своих произведениях. Одним из своеобразных аналогов этой системы можно назвать мифологическую модель мироздания (образ древа мирового), состоящую из земного, небесного, inferнального миров, возникшую ещё в древнейшие времена. Древо мировое обычно помещается в сакральном центре мира и занимает чаще вертикальное положение. Именно оно представляет собой доминанту, определяющую формальную и содержательную организацию вселенского пространства. По вертикали мы обнаруживаем противопоставления: верх-низ, небо-земля, земля - нижний мир, огонь (сухое) - влага (мокрое) и др. При помощи древа мирового выделяются основные зоны вселенной - верхняя (небесное царство), средняя (земля), нижняя (подземное царство)¹.

В лирических произведениях К. Бальмонта и В. Брюсова образ древа мирового воплощается достаточно ярко, но при этом противопоставляется «собственно авторскому» «миру мечты». В результате в творчестве поэтов выстраивается достаточно сложная структура художественного бытия. На наш взгляд, она включает в себя несколько определенным образом соположенных элементов, которые условно можно назвать «мирами»: «объективно» существующие («земной», «небесный» и «инфернальный») и «субъективно» существующие («мир мечты»). По этому же признаку поэты оценивают миры, составляющие художественную вселенную: условно «объективно» существующие воспринимаются ими негативно, «субъективно» существующие - позитивно. Однако основания для такой оценки художники выбирают разные.

К. Бальмонт видит составляющие своего художественного бытия через призму наличия либо отсутствия в них движения и, соответственно, духовной эволюции (такой особенностью у него в полной мере может обладать только «мир мечты»). Подтверждение этому мы видим в стихотворении «В бездонном колодце», где центральным становится образ «колодца», представляющего собой замкнутое пространство, обособленное от «земли» и земного существования людей: «Меж стен отсыревших, покрытых грибками, / В бездонном колодце, на дне глубоко / Мы ждём, притаившись, и дышим легко, / И звёзды в лазури сияют над нами.² Таким образом, обособившись от мира земного, погрузившись в мир inferнальный, наблюдая за небесным (именно на это указывает противопоставление света и тьмы: свет лазурных небес контрастирует с темнотой колодца), герой, «замерев», «притаившись», проникается чувством приближающегося творческого порыва, на что указывает образ «звезд»: «Лучистые звёзды, горящие днём / Для тех, кто умеет во тьму опускаться, / Чтоб в царстве беззвучья полнее отдаться / Мечтам, озарённым небесным огнём» [Бальмонт: 123]. Именно наличие прямой оппозиции «инфернального» и «небесного» миров, способность, «погружаясь» в один, «видеть» другой, позволяет приступить к созданию собственного «мира мечты». «Царство беззвучья», характеризующее «мир колодца», заставляет «притаиться» лирического героя: «Сплетаются звёзды - и искрятся днём / Для тех, кто умеет во тьму опускаться, / Для тех, кто умеет во тьме отдаваться / Мечтам, озарённым небесным огнём» [Бальмонт: 124]. «Умение погружаться во тьму» рассматривается поэтом как способность целиком «отдаваться» процессу сотворения особого мира «мечты». Это связано с тем, что принцип бесконечно отражающихся друг в друге антиномий заставляет творца «мира мечты» считать, что «тьма» и «свет»

¹ Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. - М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 2000. - С. 7.

² Бальмонт К. Д. Собр. соч.: В 2 т. - М.: Можайск-Терра, 1994. - Т. 1. - С. 123 (далее все ссылки даются по этому изданию, с указанием стр.).